

Не впервые я участвую в работе жюри детского литературного конкурса, ежегодного проводимого администрацией и активом школы театрального искусства в Набережных Челнах. Не впервые «Аргмак» публикует выбранные по моему вкусу стихи и прозу из этих сочинений. По итогам 2017 года улов был особенно удачным.

Взрослому человеку не грех порадоваться детской непосредственности и наивности — можно даже попытаться вернуться к потерянной чистоте взгляда на мир, когда веришь всему вокруг. А некоторые произведения юных писателей удивили меня детской мудростью и умением выразить словом свои размышления о жизни и смерти, выразить свою нерасторжимую любовь к близким, к природе, к родине — большой и малой.

Читаешь и веришь — наши дети растут прозорливее, умнее, добрее, честнее нас...И это радует!

Николай АЛЕШКОВ

***Мария ГУБАНОВА, 14 лет,
гимназия № 10, г. Зеленодольск***

* * *

У мишутки есть подружка –
Это мягкая игрушка.
Начиная с ней играть,
Мишка сразу хочет спать.
Мишка глазки закрывает,
Очень быстро засыпает.

* * *

Шла корова через мостик,
Намочила в речке хвостик.
Крутит, вертит, не поймёт:
Почему же хвост ревёт.

* * *

Рыбка, рыбка, изловчись!
На крючок не попадись!
Рыбка слушать не желает,
С поплавком моим играет.

* * *

Паучок в уголке на картинке
Всё плетёт и плетёт паутинки.
Мама тряпочку возьмёт –
Все «шедевры» уберёт!

* * *

Сидит зайка на подушке,
Опустивши грустно ушки.
Хочет заинька играть,
Но хозяйки не видать!
Ей купили красный мяч,
С ним она пустилась вскачь.

* * *

У меня лежат в кармане
Десять сладеньких конфет,
Вот сейчас приду я к Ване –
Мы съедим их на обед.
Вместо супа,
Вместо каши,
Вместо маминых котлет...
Мы с Ванюшей проглотили
Десять вкусненьких конфет!!!

* * *

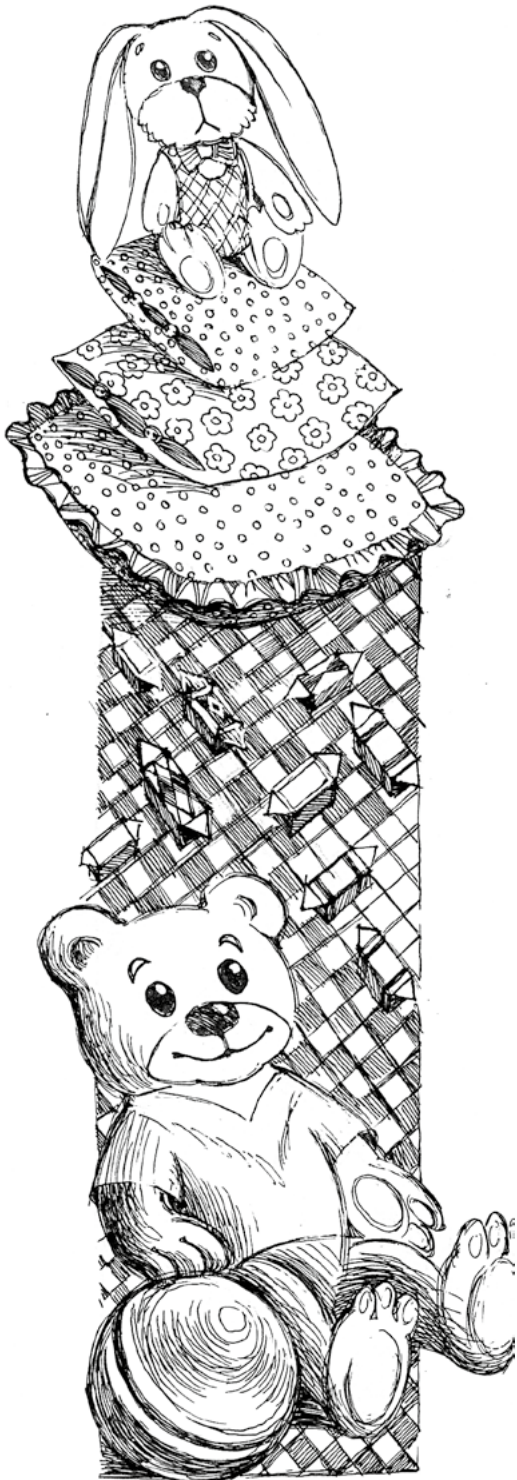
В комнате сидит щенок
И задорно лает.
Не стучите в дверь ко мне –
Пёс нас охраняет!

* * *

Целый день не я ль берёт
Папин праздничный пирог?
Его на стол поставили
И папу ждать заставили:
Папа с работы пораньше пришёл,
А пирога на столе не нашёл!

* * *

Амир, Соня, Ангелина,
Маша, Яна, Катерина...
Рядом мы живём, играем,
Понапрасну не скучаем!
Мы на великах гоняем,
Дни рожденья отмечаем,
И на пляже загораем,
Далеко не заплываем.
Ходим в лес, в кино, рыбачить,
Также любим посудачить.
Вместе любим мы играть!
Дружбе нашей ставлю «пять»!!!

ХЛЕБ

Мама готовила вкусный обед.
И тут выясняется: хлеба-то нет.
Мама кричит мне: «Деньги возьми
И поскорее за хлебом беги!»

Едва зашла я в магазин,
Забыла всё на свете –
Смотрят на меня с витрин:
Кукла в кабриолете,
Рядом плюшевый щенок,
Шарик разноцветный,
Вкусный, сочный пирожок
И букет конфетный...

Я сама не поняла, как же получилось,
Как же это всё само в корзину мне сложилось?

Вот у кассы лимонад
(он со вкусом груши),
И молочный шоколад –
Мне он тоже нужен.

У мамы денег в кошельке
Мне на всё хватило.
Дома рады будут все:
Я столько накупила!
Весело я в дверь стучу,
Мама мне открыла,
Ей сумку полную даю...
Ой! Про хлеб-то я забыла!

**Александра ПОЛЕТАВКИНА, 17 лет,
школа № 127 г. Уфа**

ПИСЬМО РОДИНЕ

Ты часто снишься мне ночами,
Когда с тобой разлучены.
Зовёшь, зовёшь меня речами,
Любовь в них скрыта к дому, и
Ещё сильнее сердце рвётся
Вернуться в мой родимый край,
Где песня звонко-звонко льётся,
И где поёт родной курай.
Башкортостан! Уфа, родная!
Здесь дом, вся жизнь, друзья, семья.
Мне не нужна земля другая,
Ведь это родина моя.
Мне без тебя не мило солнце,
И воздух не насытит грудь.
И я спешу открыть оконце,
Чтобы взахлёб весны вдохнуть.
Ты мне нужна, как крылья птице,
Как влага первому цветку.
Чтобы мечте с успехом сбыться,
Лишь ты уймёшь мою тоску.

Твои обширные просторы:
Луга, поля, озёра, лес –
Весь день мои ласкают взоры.
Я здесь надеюсь на успех.
Я буду вечно помнить трели
В весенней роще соловья,
И песни зимние метели,
Журчанье быстрого ручья.
Я вспомню осень золотую,
Когда вздохнёт усталый сад.
Покинув сторону родную,
Вновь журавли на юг летят.
Как я люблю тебя, родная!
Хочу с тобой всю жизнь прожить.
Мне не нужна земля чужая.
Прошу тебя благословить
Меня на путь дальнейший, чтобы
Он светлым был, как ни далёк,
Чтобы на всю Россию снова
Тебя прославил твой росток!

Алина НУРУТДИНОВА, 17 лет,
гимназия № 20 г.Казани

ДЕВОЧКА-ОСЕНЬ

Я – девочка-осень, одна из сестёр –
Помощниц волшебницы-мамы.
Ночами я тку красно-жёлтый ковёр
И им покрываю поляны...
Смотрите, верхушки лесов шелестят,
Затронуты золотом ярким.
Сама выбирала им этот наряд
И рады деревья подаркам.
Хорошие тёплые дни в сентябре,
И утром бывает – сквозь ветки
Проглянут лучи, я иду по тропе,
И прыгают рядышком белки.

Дарами осенними прямо из рук
Я потчую белок и зайцев...
А вот в паутине осенний паук.
Ему говорю: до свиданья!
Я – девочка-осень, я – странница, дочь
Солидной и ветреной Осени.
Я спеть улетающим стаям не прочь,
Чтоб помнили птицы о Родине.
Я в танцах кружусь на дорогах Земли
И вместе с опавшими листьями
Лечу, как умеют летать журавли,
И падаю чистыми ливнями.

Никита ЗВЯГИНЦЕВ, 15 лет,
школа № 3, г. Менделеевск

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПРАДЕДУ

Мой прадед был фронтовиком.
Хоть лично с ним я не знаком,
Ведь так бывает же на свете...
Со мной – статья о нём в газете.
Как прадед Прагу защищал,
Как знамя он в руках держал.
За ним поднялся целый взвод.
Не верите? Газета – вот.
И есть в ней фотография.
На ней мой прадед молодой,
За Родину – хоть снова в бой.
Я думаю, что он фашистов не боялся,
Всегда живым в бою и оставался.
Он до Берлина знаменосцем дошагал.
Берлин он с Красным знаменем отвоевал.
Потом вернулся снова на Донбасс,
И мамку Украину от разрухи спас.

На шахте лучшим стал шахтёром.
И не покрыл себя позором,
А честно Родине служил:
Работал честно, честно жил.
Вот снова снимок и статья в газете.
Мой прадед лучший был на свете:
И фронтовик, и лучший был шахтёр.
Об этом с бабушкой веду я разговор
О том, что мы из Звягинцева рода,
Могучая, бесстрашная порода.
Мы любим Родину, мы любим труд,
И если вдруг служить нас призовут,
Чтобы Россию от врагов спасти,
То лучше вам солдата не найти!

*Рузиля ВАЛИЕВА, 10 лет,
Гимназия № 2, г. Нижнекамск*

КАК ЗАВЬЮЖНЫЙ ДЕД СТАЛ ДЕДОМ МОРОЗОМ

Ой, давно это было... Было, да былью поросло... На самом дне Хрустального озера, которое раскинуло свои воды в самом сердце сибирских лесов, сиял чистотой ледяной замок Завьюжного Деда. В зеркальной глади озера отражалось голубое бездонное небо, а в танце снежинок вальсировали яркие лучики зимнего солнца. Завьюжный Дед согласно заведённому порядку каждый день в одно и то же время покидал свои покои, чтобы обойти свои снежные владения. Хоть и морозным, и снежным был Завьюжный Дед, но в уголках его голубых, как бездонное ледяное озеро, глаз мягким светом отражалась безграничная доброта и чуткость. Всё было замечательно в хозяйстве Завьюжного Деда. Везде царил порядок, покой и уют. Звери и птицы лесные чувствовали его доброту и заботу, деревья и кусты, несмотря на сильные морозы и вьюги, никогда на него не сердились. Казалось, что уже ничто и никогда не нарушит этот устоявшийся веками порядок. Однако случилось непредвиденное событие, которое взбудоражило все леса и земли, входившие во владения Завьюжного Деда. А началось всё с сороки, которая на своём хвосте принесла весть о том, что где-то далеко-далеко, в одной из жарких стран живёт маленькая девочка с совершенно белой кожей, белокурыми волосами и ясными голубыми глазами. Каждый день во сне она видит леса, занесённые снегом, ледяные пустыни, метели и вьюги. И всю свою недолгую жизнь мечтает хоть одним глазком взглянуть на бескрайние северные просторы. Сорока без умолку стрекотала и стрекотала, перелетая с ветки на ветку. И скоро весь лес, все звери и птицы, которые беззаботно жили на берегу Хрустального озера, узнали историю маленькой голубоглазой девочки, живущей там, где нет снега.

— Да не может быть, чтобы были на земле места, где нет этого замечательного пушистого, белоснежного ковра, — рассуждали косолапые медведи.
— Однозначно, нет. Это выдумки сороки! — вторили им не в меру серьёзные волки.
— Сорока хоть и та ещё болтунья, но неправду никогда по свету разносить не будет. Нам надо отправить Завьюжного Деда за этой девочкой, — вдруг предложили олени.
— Ну, надо так надо. Да и дедушке будет чем заняться. Себя покажет, на людей посмотрит, — согласились с оленями мудрые филины.

Завьюжного Деда долго упрашивать не пришлось. Недолго собирался он в необычное путешествие. Запряг в расписные сани самых быстрых оленей, надел самую тёплую, нарядную шубу, положил в серебряный сундучок сладких гостинцев и отправился в дорогу.

Летят расписные сани Завьюжного Деда, только звёздный след остаётся на ночном небе от саней тех сказочных. Дед без устали глядявается в города и села, над которыми пролетает. Вот мальчонка с горки неудачно скатился и в сугроб лицом приземлился. Завьюжный Дед тотчас к нему на помощь спешит. Поднимает мальчугана, отряхивает, пряник мятный, витиеватыми узорами украшенный, протягивает. Возле другого городка на замёрзшей речке ребята на коньках катаются. Только одна девочка понуро стоит в сторонке. «Ай, беспорядок, надо бы ей коньки подарить» — думает Дед и тотчас же спускается к ней и протягивает пару новеньких сияющих коньков. Глядь, а совсем неподалёку два брата-близнеца не могут меж собой пару

лыж поделить. И им Дед помог — лыжи подарил, ещё и сладким угостил. Так и летал Завьюжный Дед от одного городка к другому, от села к деревеньке, от богатого белокаменного дома к бедному домишке. Летал и всё думал, как бы поскорей добраться до далёких жарких стран — девочку ту белокурую и голубоглазую отыскать. Летит Завьюжный Дед по небу на своих санях, а молва людская о доброте его и участии на много вёрст вперёд несётся. И вот уже ждут его с нетерпением то тут, то там. Пока Завьюжный Дед все города и сёла посетил, наступил новый год, да и солнце на весну повернуло.

Много ли времени прошло, мало ли, но добрался, наконец, Завьюжный Дед и до тех мест, где и вовсе зимы не бывает. Глядь, а там все кругом чёрненькие да кучерявые. Дед только бороду свою поглаживает да диву даёт: «Сколько веков жил, не тужил, а такого народца не видел». Не сложно было отыскать Завьюжному Деду белокурую и белолицую девочку среди загорелых на солнышке детишек. Посмотрел он на неё и вмиг признал в ней внучку свою, которая от снега, искрящегося уродилась. Посадил он её в свои сани расписные и отправился в обратный путь. Очень рады были звери и птицы возвращению Завьюжного Деда. А когда увидели, что он не один вернулся, а с внучкой, то и вовсе в пляс пустились.

С тех самых незапамятных времён, с лёгкой руки внучки Снегурочки, стал Завьюжный Дед Дедом Морозом называться. Так его внучка Снегурочка нарекла, когда в царство его хрустально-ледяное приехала.

— Какой-же ты, — говорит, — Завьюжный Дед? Ты — добрый и никогда никого ещё не завьюжил и с пути не сбил. Напротив, всем помогаешь, детворе гостинцы раздаёшь, взрослых в детство возвращаешь, мечты исполняешь. Ты — добрый Дедушка Мороз!

С тех пор и повелось, что каждый год, в самую студёную зимнюю пору, запрягает Дедушка Мороз в свои красивые, добротные расписные сани быстрых оленей, сажает рядом с собой внучку Снегурочку и отправляется детвору веселить, да гостинцы раздавать. А мы все с нетерпением ждём, когда же самый добрый волшебник всех времён и народов заглянет в наши оконца и щедро одарит нас здоровьем, удачей, счастьем, весельем, мечтами и верой во всё самое прекрасное и доброе, что есть на Земле.

Владислав МИНЯКИН, 9 лет,
детская школа театрального искусства,
г. Набережные Челны

СКАЗКА ПРО ЛЕНЬ

Гуляла как-то по улице маленькая лень. Она была настолько маленькая и худенькая, что её никто не замечал. Так вот, идёт она по улице и видит, что в одном доме дверь слегка приоткрыта, ну лень в неё и вошла.

А в том доме жила маленькая и хорошая девочка Олеся. Олеся каждое утро умывалась, делала зарядку, заправляла кровать и помогала маме по дому. Она как раз пила чай, когда к ним в дом вошла маленькая лень...

Олеся закончила пить чай, но кружку за собой мыть не стала. Как тут обрадовалась лень! Олеся взяла книжку и присела на диван, чтобы почитать, но читать совсем не хотелось. Лень, расправила плечи и слегка подросла. Затем Олеся решила

примерить наряды, что висят в шкафу, но это занятие ей быстро надоело, а платья обратно вешать в шкаф не стала. Леня выросла ещё больше. Потом Олеся села за стол, чтобы порисовать, но рисунок никак не получался, а карандаши и альбомные листы совсем не хотелось убирать на место. Леня решила, что останется здесь надолго, её радости не было предела.

Но тут Олеся прошла мимо зеркало и увидела своё отражение, на неё смотрела совсем неопрятная девочка... Олеся тут же собрала все наряды и убрала их обратно в шкаф, собрала все альбомные листы и карандаши и разложила их по местам. Затем прошла на кухню, перемыла всю посуду, взяла метлу и выгнала лень на улицу!!! С тех пор Олеся тщательно закрывает дверь, чтобы даже самая маленькая лень не смогла зайти к ним в дом.

**Азалия ШАГГЕЕВА, 14 лет,
школа № 40, г. Набережные Челны**

КАЖДЫЙ РЕШАЕТ САМ

Я резко очнулся. Затхлый воздух ударил в нос, вмиг заполняя лёгкие. Я закашлялся и сел, стараясь остановить приступ. Я чувствовал, что сижу на мокром асфальте, но увидеть этого не мог. Вокруг было темно, хоть глаз выколи. Я попытался встать. Это оказалось тяжелее, чем я думал. Ноги были будто ватными, не слушались. После нескольких неудачных попыток наконец удалось подняться. Тысячи мелких иголок вонзились в меня. С трудом передвигая ноги, пошатываясь, я поплёлся прямо. В конце концов, я упёрся в стену. Она была каменной, кое-где я нащупал мох. Опёршись о наиболее выступающий камень, я стал разминать ноги. Постепенно неприятные ощущения прошли, и я мог идти нормально. Только — куда? Этого я не знал.

Я всё шёл и шёл, то ускоряясь, то замедляя ход, дотрагиваясь одной рукой до стены, чтобы совсем не потеряться в темноте. Я прошёл, кажется, добрых десять километров, а выйти на свет всё не удавалось. Наконец, окончательно выбившись из сил, я решил присесть и отдохнуть. Я сел, выпрямив ноги, спиной опираясь на стену.

Странно, всё, что происходит вокруг. Потому, что туннель всё никак не кончался, а я всё время шёл только прямо, никуда не сворачивая. Я шёл уже часа три... Или четыре? А может, не прошло и десяти минут? Мои внутренние часы совсем сбились. Я не понимал, сколько я пробыл здесь, но, судя по тому, что до сих пор не хотел есть... Немного? Но я успел выбиться из сил...

И тут я увидел крохотный огонёк. Он был слабым, отсвечивал оранжевым, колебался, но он был. Он появился из ниоткуда невдалеке от меня. Я встал и быстро пошёл к нему, постепенно набирая темп. И вот, я уже бежал, а огонёк становился всё ярче. Мне казалось, что он был совсем недалеко, но мне пришлось бежать до него. Наконец я подбежал настолько близко, что разглядел на фоне света человеческую фигуру. Я остановился. Затем я услышал непродолжительный смех, и грубый мужской голос с хрипотцой пробормотал что-то невнятное. Немного поколебавшись, я подошёл ближе, удивляясь, как он меня не заметил. Зайдя в круг света, я увидел мужчину лет сорока, сидящего на полу. У него было небритое лицо, потрёпанный

вид, на глаза надвинута шляпа, наподобие ковбойской. Но больше всего привлекал внимание фонарь, стоящий рядом с ним. Его свет мне и посчастливилось увидеть. Это была тыква с вырезанной на ней страшной рожицей, внутри которой мерцал огонёк. Именно такие фонарики делают на Хэллоуин.

Я воззрился на тыкву. Потом взглянул на мужчину. По-видимому, он спал. Я сел рядом с самодельным фонариком и огляделся. Всё оказалось примерно так же, как я себе и представлял: каменные пол и стены, покрытые мхом, потрёпанные временем. Свет от тыквенного фонаря доходил в радиусе метра полтора, создавая ровный круг света. Интересно было то, что круг имел чёткие границы. Вот здесь свет, а рядом — уже крошечная тьма. Даже если бы мужчина не спал, он не заметил бы меня, пока я не вышел на свет.

Свет фонаря не доставал до потолка. А мне очень хотелось увидеть потолок. Доказать самому себе, что я был прав абсолютно во всём. Было в этом что-то принципиальное. Я встал и наклонился, чтобы взять фонарь. Я только коснулся шершавой кожицы тыквы, как меня схватили за руку.

Мужчина сделал это неожиданно, поэтому я порядком напугался. Я замер, как будто меня уличили в преступлении. Удивлённо посмотрев на него, я увидел, что не только его рука, но и глаза вцепились в меня. Они были чёрными, бездонными. Мне даже показалось, как будто они вобрали в себя тьму этого туннеля. Я дёрнулся, стараясь вырваться, но его хватка была просто железной. Мы не шевелились какое-то время. Я, поражённый неожиданностью произошедшего, он — пожирающий меня взглядом. Наконец, я промямлил что-то вроде: «Извините, я не хотел», на что он, не ослабив хватки, гаркнул:

— Кто таков будешь?

— Я...Я... — Я замолчал. Мои глаза больше не видели мужчину.

Я смотрел сквозь него.

Такой обыденный вопрос. Такой лёгкий ответ. Всегда при знакомстве мы первым делом говорим своё имя. Слово, отображающее нас самих. Всегда на вопрос: «Кто ты?», ты произносишь своё имя. Но что делать, если ты не помнишь его?

Я начал копаться в памяти. Что я вообще могу помнить, если не помню своего имени? Нет, нет... Я всё помню. Я помню моих родителей. Да, мама и папа. Я помню, как они... Как они что? Нет, погодите, как они выглядели? Кем они были, что делали? А я сам? Как вообще выгляжу я? Все воспоминания, все ответы на вопросы были в моей голове, но я никак не мог их поймать. Я почувствовал зияющую пустоту внутри. Она всё разрасталась. С каждым моим вопросом к самому себе, с каждым ускользнувшим из-под носа ответом.

Я обмяк и сел абсолютно без сил. Как сквозь дымку, я почувствовал, что меня отпустили, услышал, как мужчина усмехнулся, увидел его лицо, искажённое подобием улыбки. Все чувства потускнели в разы.

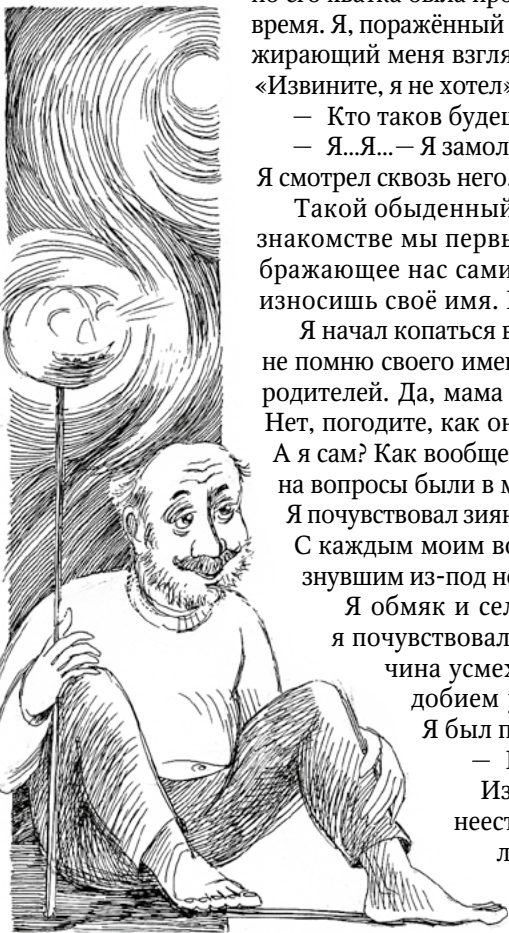
Я был поражён, опустошён...

— Ну как?

Из протрации меня вывел голос, звучавший неестественно чётко и громко. Я повернул голову и произнёс короткое: «А?»

Мужчина опять ухмыльнулся:

— Я говорю: как ты себя чувствуешь?

— Я... эм... — Было довольно трудно описать моё состояние. Я задумался. Мужчины, видя это, поспешно прибавил:

— Э, э! Парень! Не надо, не надо! Опять полчасика до тебя не дозовёшься... — Он ухмыльнулся ещё шире. Улыбкой это назвать трудно.

Я не разделял его настроения. Я только что понял, что абсолютно не знаю, кто я. Мне не до веселья. Он, видимо, заметил это и его изборозжённое морщинами лицо вмиг стало серьёзным.

— Ты это... Не думай, что один такой. Я понимаю. Проходили уже... Не волнуйся, это пройдёт. Ты вспомнишь, как тебя зовут, кто ты есть и все остальные подробности. Все вспоминают. Просто не сразу.

Я посмотрел на него и понял, что это правда. На лице у него читалось понимание, перемешанное с жалостью. Вот уж чего мне сейчас не надо, так это жалости. Я взял себя в руки. Вспомню — значит всё нормально. Гораздо важнее сейчас — получить ответы на вопросы, мучавшие меня в самом начале. Я набрал побольше воздуха.

— Итак, — выдохнул я, — Как тебя... Вас...

— Нет-нет, — он перебил меня, мотая головой. Из-под «ковбойской» шляпы выбилось несколько длинных прядей волос. — Никаких «Вы». Здесь все равны. Обращайся на «Ты».

Я кивнул и продолжил:

— Как тебя зовут?

— Я Джек.

— Хорошо, Джек, что это за место? И ещё, может, ты знаешь, как я здесь оказался?

Джек молчал. Я выжидающе уставился на него. Похоже, он подбирал слова. Наконец, он заговорил:

— Это место — Туннель. Думаю, ты это уже и сам понял. У него нет другого названия. Ты оказался здесь потому... — Он замаялся. — Как бы сказать... В общем, твоя жизнь сейчас висит на волоске.

Я уставился на него, как на ошалелого. О чём он говорит? На каком ещё волоске? Я оглядел себя: всё на месте — руки-ноги целы. Нигде ни царапины.

— Ты о чём вообще? Я так плохо выгляжу?

Джек опять усмехнулся. Что за человек — во всём находит что-то весёлое?!

— Нет, не в этом дело. Это тот самый туннель, в котором...

Договорить он не успел. Вернее, мог бы, но мы отвлеклись. Темнота, поглощавшая до этого всё кроме крошечного клочка, освещённого самодельным фонариком, вмиг рассеялась. На секунду меня ослепила вспышка. Я открыл глаза и увидел тот самый Туннель, в конце которого все когда-нибудь увидят свет.

Ясно. Так вот о чём говорил Джек. Моя жизнь висит на волоске. Я сейчас полужив, полумёртв.

Холодный белый свет в конце туннеля я видел недолго. Совсем чуть-чуть. За это время я успел лишь пару раз моргнуть. А затем вновь темнота. Вновь только крохотный, но зато уютный островок оранжевого света. Я повернулся к Джеку. Он молча смотрел на меня.

— Понятно... — Медленно протянул я и устало оперся на сырой камень. В это трудно было поверить, но это было так. Я вдруг понял, что всегда в течение своей жизни относился к такому типу людей, которые не задумываются о том, что ждёт их после смерти. Просто живут и всё.

Это маленькое воспоминание развеселило меня.

— Джек, как я выгляжу?

— Ты серьёзно сейчас об этом беспокошься? — удивлённо воскликнул он. — Парень, ты либо очень смелый, но не особо умный, либо у тебя мозги не на месте!

Я улынулся. Впервые, за... За эту вечность.

— Нет! Я спрашиваю, сколько мне на вид лет, какие волосы, какой я вообще. Я ведь не помню ничего. А зеркала тут нет, как я погляжу.

— Ааа... Ну да, ну да. — Он удовлетворительно кивнул, успокаиваясь. — Так... — Он стал пристально осматривать меня с головы до ног. Настолько пристально, что мне даже стало как-то не по себе. — Ладно. Тебе на вид лет тринадцать, может, четырнадцать.

Я кивнул.

— Дальше... У тебя короткие русые волосы и серо-голубые глаза. Длинные ресницы, кстати. Как у коровы. Больше ничего сказать не могу.

— И на том спасибо.

Что ж, теперь я хоть примерно знал, как выгляжу... Однако... оставалось ещё несколько нерешённых вопросов.

— Джек, а ты сам-то как здесь оказался, почему не наслаждаешься Раем или не горишь в Аду? И что это за фонарь такой?

Джек издал какие-то странные прерывающиеся звуки, похожие на крик дельфина. Видимо, смеялся.

— Так много вопросов сразу! А ты любопытный малый. Начнём по порядку. Ты знаешь легенду про фонарь Джека?

В памяти всплыло что-то смутное и я неопределённо покачал головой.

— Так я тебе напомню. Джек-фермер при жизни был страшным пьяницей, вёл разгульную жизнь. Когда пришёл срок, за ним пришёл сам Дьявол. Но Джек обхитрил его и выторговал ещё десять лет спокойной жизни. Когда и это время истекло, Джек вновь обвёл старого чёрта вокруг пальца и вытребовал, чтобы тот никогда не забирал его в Ад, и вообще отстал от него. А когда Джек, наконец, умер, его, естественно, не пустили ни в Рай, ни в Ад. Принципиальным вдруг решил сделаться Дьявол. Видите ли, сдержал обещание. Тьфу! Вот и выпросил у него уголёк для фонарика. Благо, с собой была тыква.

Мы замолчали. Не то, чтобы я так уж много говорил. Я, по большей части, просто слушал. Но теперь каждый из нас думал о своём. Я посмотрел на тыкву. Внутри горел, переливаясь, уголёк. Который из Ада.

Но тут каждого из нас вновь отвлекла вспышка. На этот раз она была ярче и продолжительней. Впервые за всё это время мне стало по-настоящему страшно. А что, если всё? Что, если я уже умер? И вот, сейчас мне придётся идти к этому свету. И предаться страшному Суду, даже при том, что я не помню ни своего имени, ни своей жизни, ни... ни смерти...

Поэтому, когда свет снова потух, я выдохнул, чувствуя нереальное облегчение и посмотрел на Джека.

— Тебе стало хуже, — монотонно произнёс он. Так, как будто сказал что-то обычное, типа: «У тебя на щеке крем от торта». Волна злости захлестнула меня. Я рывкнул в ответ:

— Сам вижу! Не слепой!

Почему-то эти слова привели меня в бешенство. Я не помню ничего из своей жизни, но я ценю её. Я хочу жить, просто потому, что не хочу умирать. Я хочу снова почувствовать лёгкое дуновение ветерка, услышать шуршание осенних листьев под ногами, увидеть, как садится солнце, как багровеет небо под его вечерними лучами, хочу услышать голос мамы, которая, как обычно, приходя с работы, скажет: «Ну, сколько сегодня двоек нахватал?»

Мама...

Меня как током ударило. Я вспомнил! Вспомнил её запах, её лицо, её голос, всё вспомнил! И сестру. Мою маленькую девятилетнюю сестру — Верку. Всё поплыло. Туман плёнкой ложился на глаза, а я всё вспоминал и вспоминал: вот мама и папа приносят мне сестрёнку; вот я иду в первый класс; вот мама с папой ругаются; вот папа уходит, мама плачет.

Старые и новые, весёлые и грустные — воспоминания проносились мимо, я видел свою жизнь со стороны и понимал, насколько сильно я её не ценил. На глаза невольно выступили слёзы. Мамин голос всё говорил и говорил, всё шептал мне что-то. Я никак не мог разобрать, что именно она мне шепчет, но одни слова явственно услышал. Они буквально впились в моё сознание:

— Ты должен жить, Жень!

Я снова был опустошён. Но я ждал, когда эта пустота чем-то заполнится!

В конце концов, я вспомнил всё. Что-то было более тусклым, что-то более ярким. Но я почувствовал себя собой.

Я вновь увидел Джека. Он сидел рядом и смотрел на то тускнеющий, то вспыхивающий красным, уголёк. Заметив, что я очнулся, он тихонько произнёс:

— Как звать-то?

— Ж-Женька.

— Ну, рассказывай, Женька, как ты там?

— Да я... Да мы с мамой и сестрой в Елабугу ехали...

— Куда-куда? — Не понял Джек.

— Ну, в Елабугу. Город такой. В России.

— А-а-а... В России... Я-то сам родом из Америки, — улыбнулся Джек.

— В каком... А как это мы тогда?.. — Я говорил обрывками, но Джек меня понял.

— Здесь... ну, на этом свете все говорят на одном языке. То есть, каждый говорит как будто на своём и слышит остальных на таком же. Но мы отвлеклись. Так что там с этой поездкой-то?

— Мы с сестрёнкой и мамой ехали в Елабугу — бабушку повидать. Вроде, ничего необычного. Но потом... Это я во всём виноват, знаешь... Я сразу не заметил, а когда понял — было поздно. У мамы снова был приступ грусти. Она выпила. Немного, но этого вполне хватило. Когда мы ехали, впереди нас был грузовик. Он перестраивался, а мама... Мама этого не учла. Дальше помню всё как в тумане. Звон стекла, крики, сирена... — Я сглотнул несуществующий ком в горле. — Мы попали в аварию, Джек. И мама сейчас наверняка плачет, винит во всём себя. А Верка... Я даже не знаю, что с ней.

— М-да... — протянул Джек, — Надеюсь, ты поправишься.

Я задумался. Поправлюсь. Да мне тут наоборот хуже стало. Что же делать...

— Джек, а что надо сделать, чтобы мне стало лучше? Я же наверняка не первый, кто оказался в такой ситуации.

Джек утвердительно кивнул:

— Не первый. А делать... делать тебе ничего не надо. Я видел только двоих, таких как ты. Оба просто сидели со мной и разговаривали. Если честно, из троих ты мне больше всех понравился...

Джек замолчал.

— Джек, что с ними случилось?

Тишина.

— Джек! — я перешёл на крик.

— Они умерли! — Криком ответил мне Джек. Он тоже встал. — Ушли навстречу свету! Они шли туда, как заворожённые! Здесь нельзя ничего сделать, Жень! Ты либо

выкарабкаешься, либо... — он перестал кричать, дрогнул всем телом и последние слова произнёс чуть ли не шёпотом, — либо умрёшь.

Я видел, что Джеку прихотилось несладко. Он не был похож на того задорного пьянчугу, которому было раз плюнуть обмануть самого Дьявола. Он многое повидал в своей загробной жизни.

— Да у тебя... шансы у меня невелики... — вздохнул я. Страшно. Самое страшное, что я ничего не могу сделать. Абсолютно ничего. Мне просто придётся идти навстречу этому дурацкому свету. Оставить маму и Верочку одних, совсем без мужчин в доме.

Лучше бы я остался лежать на месте. Тогда бы не было так больно.

Волна бешенства накрыла меня. Я со злостью пнул стену. Ногу пробила резкая боль. Может быть, я сломал себе пару пальцев. Это вообще возможно — сломать себе что-нибудь здесь? Станный гортанный звук вырвался из меня вместе с криком:

— Ну почему я не могу вернуть всё назад!

Я остановился. Что-то было в этом слове: «Назад». Оно наталкивало меня на мысль, которая пчелой жужжала у самого уха. Голова кипела. А что, если пойти туда, назад? Я вспомнил, как долго добирался сюда, до Джека. Да, идти придётся немало, а времени в обрез. Да и не факт, что вообще что-то получится из этой затеи.

— Джек! — я посмотрел на своего нового друга. Он дёрнулся, когда я его позвал.

— Ч-что?

— А кто-нибудь пытался пойти в обратном направлении?

Нога безумно болела. Я сел, стараясь не замечать этой боли.

— В обратном направлении? — тупо повторил он. — Не знаю, Жень. При мне такого точно не было. Двое до тебя только ревели бесконечно. И всё.

— Тогда стоит попробовать, — я встал и тут же сел обратно. Нога нестерпимо болела. Я поморщился, но снова попытался встать. Джек поспешил мне помочь.

— Ты уверен, что сможешь? — с сомнением спросил он, — Нога-то...

— Я должен, Джек. Мама и Верка без меня не смогут. Им и так несладко после ухода отца.

— Ты молодец, Женья! Нет. Евгений, ты настоящий мужчина! — Джек протянул мне руку, и я крепко пожал её.

И тут снова нас ослепил белый холодный свет. Нога тут же перестала болеть. На несколько мгновений моя решимость улетучилась. Не лучше ли бросить эту затею? Свет манил к себе. Он был успокаивающим, притягивающим.

— Жень, живи, — это голос мамы.

Свет потух.

— Тебе нужно торопиться, — строго произнёс Джек.

Я повернулся спиной к выходу из туннеля. Мне предстояло преодолеть немалое расстояние. В то же время совсем не хотелось возвращаться в ту темноту, из которой я пришёл. Я выдохнул и сделал шаг. Он отозвался острой болью в ноге. Но я сделал ещё шаг. Ещё два шага, и вот я уже стою одной ногой во тьме. Я развернулся, посмотрел на Джека. Тот стоял, отдавая мне честь. Я улыбнулся и крикнул, хотя он стоял совсем рядом:

— Джек! Обмануть Дьявола — это реально круто!

И сорвался с места.

Мне было больно бежать, но я бежал. Потому, что боялся, что уже через мгновение туннель вновь зальёт свет и я уже не смогу ему противиться. Пот градом спал с моего лица, мне было тяжело дышать. Рука саднила из-за царапин, которые я получил, дотрагиваясь до стены, что вновь была моим проводником.

Я остановился лишь раз. Вернее, не остановился, а упал без сил. Я пролежал на месте, пока не восстановился. Огромным усилием воли я заставил себя подняться. Иногда в моей голове звучали голоса Веры или мамы. Они придавали мне сил, и я бежал быстрее. И уже не боялся, что со мной что-то случится от бега. Страх перед смертью и желание выжить даёт человеку уникальные силы.

В какой-то момент, нога вдруг перестала болеть. Мне снова стало хватать воздуха. Я больше не чувствовал под собой асфальта. Меня накрыла волна белого холодного света. Я понял, что от судьбы не убежишь, но...

Я увидел лицо моей мамы. Услышал её смех сквозь слёзы и тоненький голосок Верки:

— Очнулся! Очнулся!

От судьбы не убежишь, верно. Каждый решает сам — жить ему или умереть.

**Регина ВАЛИЕВА, 9 класс,
Детская школа искусств, г. Нижнекамск**

КАК ВАСЬКА ЗА САПОГАМИ ХОДИЛ.

«Деда, а сколько у тебя на теле этих чёрных шариков? А тебе больно?» — эти детские вопросы я задавала своему деду — ветерану Великой Отечественной войны Габдулле Салихову. Став взрослее я с ужасом считала эти маленькие чёрные осколки от гранат. Им не было счёта. На моих глазах выступали слезы...

Мой легендарный дед не любил говорить о войне. «Нет, не спрашивай. Ни о чем меня не спрашивай». И его морщинистые руки начинала бить мелкая дрожь. Помню, однажды, лет двадцать пять назад, в самом начале мая, он получил письмо от своего фронтového товарища. Вот это событие и всколыхнуло в нём воспоминания, которые он долго и тщетно пытался забинтовать ветхими бинтами времени...»

*Из воспоминаний моей мамы о своём дедушке
Салихове Габдулле Салиховиче.*

Шёл март 1942 года. Положение дел на Ржевско-Вяземском плацдарме заметно осложнилось. Зимние морозы сменяла оттепель. На бугорках и возвышенностях, на крышах землянок, из-под грязно-алого снежного покрывала проступала земля, пропитанная солдатской кровью и потом. Тяжёлый, дурмящий запах особенно остро чувствовался именно в такие дни. Он плыл над головами насквозь промокших бойцов, пропитывал одежду, волосы, ухитрялся проникнуть в самые потаённые уголки их нехитрых ночлежек. Но нет, даже не этот сладковато-противный запах, не отсыревшая телогрейка, одетая поверх гимнастёрки, заставляла бойцов трястись то ли от холода, то ли от безысходности и неопределённости своего положения. Тяжелее всего юному Габдулле было ходить в сырой обуви. Ноги мёрзли, деревенели и отказывались служить хозяину. Могильным холодом сковывало каждый мускул, каждый нерв, каждую клеточку. Вскоре от постоянной сырости ступни и щиколотки многих

бойцов покрылись язвами и волдырями. «Эх, сейчас бы нормальную обувку», — эта мысль не давала покоя. В один из таких мучительных моментов, вылив из валенок набравшуюся в них талую воду, двое молодых бойцов переглянулись и, не сговариваясь между собой, метнулись к огромной воронке.

Васька, а именно так называли бойцы простоватого, добродушного паренька Габдулла, был всем известный балагур и весельчак. Он замечательно играл на губной гармошке, умело имитировал голоса диких птиц и животных. Но особенно удавалось ему повторить криканье диких уток и тьяканье лисиц. И это неспроста. И дед, и отец Васьки были известными в округе охотниками. Сколько он себя помнил, в их доме на полу всегда лежали самодельные ковры из волчьих шкур, на лавках и кроватях были постелены лисьи шкурки. А какие замечательные шапки и варежки шила из них его мама! И где сейчас отец? Васька тяжело вздохнул и внимательно посмотрел на молодого и отчаянного Самигулла. В противоположность юркому, лёгкому на подъем, изворотливому, невысокому Ваське, Самигулла был высок, коренаст и крепко сложен. Несмотря на то, что его движения были размеренны и неторопливы, в них чувствовалась какая-то отчаянная сила. Эти два бойца, оказавшиеся к тому же земляками, словно дополняли друг друга. Вот и сейчас стоило Ваське взглядом указать на ту сторону соседней воронки и Самигулла понял его без слов. Они оба знали, что после отбитой утренней атаки там, на противоположном краю глубокой воронки, остался лежать немецкий солдат на ногах которого были новенькие, хрустящие, а, главное, сухие сапоги. Васька-Габдулла, осторожно приподнялся, ещё раз оглянулся и кивнув Самигулле, приготовился к решающему прыжку. Своим зорким охотничьим взглядом он уже рассчитал расстояние до боевого трофея. Рывок, несколько минут безоглядного бега, прыжок и... вот она заветная цель.

Немец, лежал лицом вверх. На его почти мальчишеском безусом лице застыла гримаса ужаса и боли. Взгляд широко открытых зелёных глаз был устремлён в весеннее небо. Васька взглянул на это чужое лицо и почувствовал, что где-то глубоко внутри, в самой середине его живота уже собрался комочек самых разнообразных чувств, в котором сплелись ненависть, отчаяние, страх, жалость, желание жить. Невысоким усилием воли, подавив подкатившее к горлу чувство тошноты, заставившее конвульсивно сжаться пустой желудок, рядовой Габдулла Салихов стащил с уже успевших одеревенеть немецких ног новенькие сапоги. «Ну что, посмотрел в Моё небо?», — то ли сказал, то ли подумал он. И медленно, словно в каком-то глубоком сне, полубезумев от одной только мысли, что он — солдат Советской армии вынужден снимать сапоги с убитого немца, рядовой Салихов пополз обратно к своим.

Трофейные сапоги оказались велики. Не раздумывая ни минуты, Васька отдал их товарищу. Самигулла, повертел в руках немецкую обувку, и, решительно скинув мокрые валенки, натянул сапоги на свои ноги. К всеобщему удивлению, за свой дерзкий поступок Васька не только не получил наказания, но с молчаливого согласия командира взвода продолжил свои вылазки. «Дело по разуванию немцев», а именно так солдаты стали называть эти рискованные прогулки Васьки-Габдуллы, было поставлено на поток. После очередной атаки, приметив место, где можно достать обувь, рядовой Габдулла Салихов, под прикрытием других бойцов отправлялся за боевым трофеем. И каждый раз ему приходилось снова и снова тонуть в океане противоречивых чувств. Самым сильным из них была, пожалуй, даже не ненависть, а какое-то торжество, чувство пусть маленькой, но победы. Стаскивая с убитых фашистов их обувь, а он взял себе за правило снимать только новые сапоги, Васька не уставал

повторять: «Ну что, морда фашистская! Это даже хорошо, что ты обувку свою мне отдашь! Помогаешь стало быть!»

Сколько вылазок за немецкими сапогами совершил Васька? Сколько раз возвращался разочарованный и без боевого трофея? Этого он не считал. Да и зачем? Если и так от зари до зари под всевидящим оком смерти ходишь? Вскоре почти все солдаты Васькиного взвода были обеспечены непромокающей добротной обувью. Были, однако, среди них и такие, которые отказывались от немецких сапог. К ним относил себя и Ванька Воробей. Это лёгкое и весёлое прозвище было дано угрюмому и неразговорчивому белорусу Ивану Воробьеву с лёгкой руки всё того же Васьки-Габдуллы. Ванька Воробей никогда не принимал участия в делёжке и раздаче немецких сапог, добытых бойцом Салиховым. Сдвинув на переносице кустистые брови, плотно сжав обветренные искусанные губы и опустив голову, он всегда отходил в сторонку и уже оттуда пристально исподлобья наблюдал за примеркой.

Грязный, пропитанный дождевой водой и всеобщей неимоверной усталостью, понурый мартовский день тянулся очень нудно и медленно. Дождь шёл уже вторые сутки. Промозглый ветер нещадно бил в лицо и насквозь выдувал остатки тепла из-под полусырых шинелей, гимнастёрок, фуфаек.

— Ну и погодка! Не только фрица, но и нас на прочность проверяет, — говорили бойцы и, чтобы хоть как-то согреться, располагались плотнее друг к другу...

В этот сырой весенний день Васька-Габдулла вернулся со своей вылазки ещё с одной парой новеньких немецких сапог.

— Ребята, кто там на очереди за «маршштифелями»¹? Да и размерчик сегодня попался — будь здоров! — почти с ходу огласил он. Однако его слова потонули в напряжённой тяжёлой тишине.

Это были те редкие минуты всеобъемлющего покоя, когда каждый погружался в свои мысли, воспоминания, чувства и раз за разом воскрешал в памяти лица родных и близких, в сотый, тысячный раз мысленно прощался с домом, матерью, женой и детьми. Видя упадническое настроение бойцов и непременно желая обрадовать кого-либо из них, Васька весело и призывно прокрякал дикой уткой. Это неожиданное кряканье и вывело из себя Ваньку Воробья.

— Слышь, Васька, ты давай прекращай свою самодеятельность. А не то ноги тебе переломаю. Глядишь, и не понадобятся эти штифели, — сказал он и тяжело поднявшись со своего места медленно пошёл в сторону Васьки.

— А коли ты мне ноги переломаешь, кто за обувкой ходить будет? Не хочешь не бери, — миролюбиво возразил Васька, — добро не пропадёт.

Его последние слова повисли в воздухе, а бойцы, расступившись, пропустили вперёд начальника штаба части Сергея Давытенко и командира взвода Петра Нестерова. Давытенко был болен и в последние дни не покидал своей землянки. Бойцы об этом знали. Что же заставило его прийти сюда в этот холодный, дождливый день? Неужели он всё знает? Кто донёс на Ваську-Габдуллу? Напряжённое, словно натянутая струна, молчание повисло в воздухе. Ваське даже показалось, что пошевели он сейчас рукой или ногой и разлетится эта звенящая тишина на миллионы осколков, причём один из них непременно в него попадёт. Попадёт и сразит наповал. Так и стоял, боясь шелохнуться. Виноватая улыбка застыла на губах Самигуллы, бросившегося на помощь товарищу и уже занёсшего руку для того, чтобы отразить тяжеленный удар Ваньки

¹ «Marschstiefel» — немецкие маршевые сапоги. Всю Вторую Мировую войну немецкие солдаты прошли обутое в маршевые сапоги, которые шились из качественной коровьей кожи покрашенной в чёрный цвет. Двойная подошва сапог была укреплена 35–45 гвоздями. По внешней кромке каблука шла металлическая подкова, что значительно увеличивало их носкость.

Воробья. Последний, однако, явно не собирался сдавать позиции и процедил сквозь зубы:

— Умру, а фрицевы сапоги носить не стану и тебе не позволю.

Давытенко меж тем тяжело закашлял и устало прислонился спиной к ближайшей берёзке.

— Рядовой Салихов! Давайте сюда свои штифели.

— А размерчик, товарищ полковник, самый что ни на есть Ваш! — и Васька-Габдулла вмиг сообразив, что вот оно негласное прощение за самовольные вылазки, моментально протянул Давытенко немецкие маршевые сапоги, чуть не ставшие причиной всеобщего раздора.

Давытенко медленно стянул свои мокрые, пережившие уже не одну починку кирзачи и также неторопливо, словно прицениваясь к товару, натянул на голые ноги немецкие маршевые сапоги.

— Рядовой Салихов!

— Я!

— Тебя не наказывать надо, а благодарность объявлять. Этот немецкий трофей я забираю себе. Чёрт его знает, что нас впереди ждёт, — сказал Давытенко и, пожав руку счастливо улыбавшемуся Ваське-Габдулле, медленно удалился. Следом за ним двинулся и не проронивший за все это время ни единого слова командир взвода Пётр Нестеров.

* * *

Простой татарский паренёк, рядовой Габдулла Салихов был одним из немногих, кому суждено было выжить в кровавой мясорубке под Ржевом. Он прошёл всю войну, участвовал в освобождении десятков сёл и городов, неоднократно был ранен и контужен. Однако, этот эпизод с немецкими сапогами так и канул бы в небытие, если бы не письмо однополчанина, разыскавшего Ваську-Габдуллу спустя 25 лет. В письме того самого Ваньки Воробья нашла героя невысказанная четверть века назад благодарность за новенькие, хрустящие немецкие сапоги.

